

редковує не-я"/ виражають сутність людського життя - сутність одухотвореної матерії, що створена за образом та подобою творця.

Для того, щоб зрозуміти все в його єдності, необхідно відкрити серце для любові, яка через любов до Сина приведе до Батька, а також до розуміння дійсного, живого змісту етики обов'язку - виразу загальних інтересів людської та вищої моралі. Серце в цьому процесі виконує роль проводиря та орієнтує людину у вирішенні невичерпного питання про добре та зло. Поєднання духовності з розумом приводить до того, що моральний обов'язок стає моральною потребою, внаслідок чого людина по-новому осмислює все своє життя та сутність життя взагалі й одержує можливість розвитку всіх своїх здібностей на новій, більш високій основі. Людина, яка відчула в собі поклик до духовного розвитку, по-новому розуміє й постулати моралі Канта, і значення основного положення Фіхте "я є я", й інші прояви глибинного змісту їх філософії, яку може сприймати кожен, але сприйняття це цілком залежить від рівня розумового розвитку та духовних здібностей людини. Взагалі, слов'янська філософія середини ХІХ ст., що впливає з вищенаведених міркувань, стає тим сприятливим ґрунтом, в якому "проростають" духовні зерна філософії Сократа, Платона, Канта, що свідчить про унікальність характеру вітчизняної філософії, представником якої й був Памфіл Данилович Юркевич.

А б р а м о в А. И.

(Москва)

**ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗМА,
МЕТАФИЗИКИ И ПЛАТОНИЗМА
В ФИЛОСОФСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ
П. Д. ЮРКЕВИЧА**

Рассуждая о предмете и задачах философии, П.Д.Юркевич при характеристике своего собственного мирозерцания употребил выражение "философия чистого идеализма". В работе "Материализм и задачи философии" есть место, кото-

рос могло бы послужить эпиграфом ко всему философскому творчеству нашего мыслителя. Перечисляя представителей новейшей философии, Юркевич назвал имена Герберта, Бенеке, Шопенгауэра, Лотце, соотнеся их с наследием прошедших эпох и построив такой широкий образ. "Храм истины не может быть создан, пока одни, как жрецы, ясно будут сознавать идею божества, не зная при этом, как может или должна эта идея определять образ храма, его устройство, части и их взаимное отношение, и пока другие, как простые зодчие, будут знать устройство отдельных частей храма и лучший для этого материал, не имея этой безусловной идеи, которою определяется окончательно как целое здание, так и взаимное положение частей его" (39,239).

В этом образе, на наш взгляд, соотнесены проблемы метафизики и реализма. Если проблеме платонизма Юркевич посвятил специальную работу "Разум по учению Платона и опыт по учению Канта" и если платонизм вообще является стержнем всего философствования украинского мыслителя, то не менее значимые проблемы реализма и метафизики необходимо вычленять в ходе анализа всего его творчества. Наиболее просто это сделать в отношении к метафизике, так при анализе этой проблемы, это тот факт, что реализмом называли свои философские взгляды такие философские противники, как П.Д.Юркевич и Н.Г.Чернышевский. Сразу же возникает подозрение, что под термином "реализм" они понимали разное, иное и отличное.

Реализм в своем общем историко-философском смысле является точкой зрения реальности, утверждающей наличное бытие действительности, лежащей вне сознания. Эта действительность может пониматься как материальная или как идеальная. Средневековый католицизм породил философию реализма, утверждающую реальность всеобщих понятий и противопоставившую себя средневековому номинализму. По сути это было противостояние средневекового платонизма и аристотелизма.

В XIX в. возникли философские течения так называемого теоретико-познавательного реализма, которые - в противоположность "чистому идеализму" - настаивали на принятии мира вещей как существующих независимо от познающего

субъекта. Этот наивный реализм полагал, что мир вещей точно или приблизительно таков, каким мы его воспринимаем. Представители этих философско-психологических течений - В.Вундт, Г. Льюис, А.Риль, О.Кюльпе, Ф.Брентано и др. - называли реализмом именно то мирозерцание, которое пыталось оправдать различные (материальные и идеальные) составные части, на которые, как оказывается, мир расчленяется уже для донаучного мышления и которое пытается сохранить значение, соответствующее влиянию каждой из этих частей на действительность. Большое влияние на понимание Юркевичем проблемы реализма оказал также трансцендентальный реализм кантианского толка, объявляющий наш пространственный и временной мир явлений действительностью, существующей независимо от нашей чувствительности.

Для того, чтобы осознать, что философская полемика Н.Г.Чернышевского и П.Д.Юркевича была глуха и беспредметна (русский революционный демократ просто не понимал того, о чем говорил его противник), необходимо учитывать, что реализм философских оснований Чернышевского восходил к психологическим учениям наивного реализма XIX в.¹, а реализм Юркевича - к платонизму, средневековому реализму с его знаменитыми спорами об универсалиях, а также к трансцендентальному реализму кантианских философских интенций.

При характеристике комплекса проблем реализма, метафизики и платонизма в философском творчестве Юркевича мы, пожалуй, не станем излагать эти проблемы отдельно и последовательно в плане их логико-систематического содержания, а лишь взглянем на их совокупность в тех или иных

¹ В России второй половины XIX в. не только знали, но и переводили отдельные сочинения представителей философии наивного реализма. В 1858 г. вышли первые тома сочинения В.Вундта "К теории чувственного восприятия" (1858-1862), а в 1862 г. "Лекции о душе человека и животных" (русский перевод 1865-1866 гг.). В 1861-1862 гг. вышел русский перевод двух томов "Физиологии общественной жизни" Г.Льюиса. "Современник" (1862, N 2) сразу же откликнулся рецензией М.А.Антоновича "Современная физиология и философия".

работах нашего мыслителя. Уже в первой своей публикации "Идея" Юркевич предстал вполне зрелым мыслителем. Вскрывая противоречие между философскими учениями Платона и Аристотеля, украинский мыслитель отдавал предпочтение платонизму. Платоновское понимание идеи поднимает, по его мнению, философию на уровень действительных познавательных актов, а не является сферой одних только человеческих желаний и неопределенных стремлений духа, как это утверждала положительная наука и современное Юркевичу естествознание. Само название первой работы Юркевича - "Идея" - свидетельствует о его платонических симпатиях. Мыслитель осознавал, что достаточно сложно в одном общем определении описать все особенности и оттенки историко-философского употребления термина "идея", который одновременно означает также образ, вид, форму. В континууме элементов, составляющих общую материю космоса, вид и форма наиболее существенны и значимы. "И когда Платон возвысился от созерцания мира чувственного к признанию и познанию мира сверхчувственного, то и этот мир открывался сознанию философа как царство форм, образов и первообразов, в которых господствует правильность, гармония и единство. Поэтому идея, в которой был дан для мышления этот высший мир или некоторая часть его, была созерцаема умом точно, как глазами созерцается явление идеи или чувственный предмет" (39,9).

П.Д.Юркевич был ярчайшим представителем духовно-академического философствования, выучеником киевской школы философского теизма и вполне разделял платоническую точку зрения о том, что мышление есть воспоминание духа о том, что он некогда созерцал в своем домирном существовании и как следствие этого понятия, порожденные этим мышлением, являются умозрительными предметами. "Развитие предмета предполагает закон и тип, которые мы признаем в идее. Мы говорим, что развитие предмета нормально или ненормально, смотря по тому, соответствует ли оно идее или нет" (39,10-11). Юркевич дал множество вариаций характеристик и определений термина "идея", его постоянно занимал вопрос о правомерности философии как науки основываться на идее как специфическом начале, изъясняющем

ход явлений для нашего сознания, с одной стороны, и одновременно начале, обосновывающем и развивающем явления в их действительности. В философском трактате "Идея" затрагивался вопрос об идее высшего существа, идее мира как замкнутой полноты явлений внутреннего и внешнего опыта, идее нравственной деятельности, которая в своей духовной чистоте не подлежит нашему опыту. В человеческом познании Юркевич различал три формы: представление, понятие и идею. В представлении происходит встреча бытия и мышления на уровне случайности. Необходимая связь бытия и мышления возникает в понятии, однако эта связь в своем движении носит параллельный характер как нечто чуждое друг другу, нечто внешнее по содержанию и форме. Только лишь в идее мышление и бытие полностью совпадают; идея в форме мысли или разума начинает признаваться объективной сущностью вещей; идея познается как основа, закон и норма явления; в идее мы выступаем за пределы опыта.

Если Платон утверждал, что вне идей, вне сферы их проникновения вечнорасходящееся, не сомкнутое, не сосредоточенное бытие не может ни мыслиться, ни познаваться, выпадая из слов, изъяснений и определений, то Юркевич развил эту мысль еще дальше: идея - основа гармонии между мышлением и бытием и служит необходимым предположением всякой науки, и когда естествознание пытается разрешить метафизическую задачу о начале и основе явлений мира и думает опереться при этом на представления о механическом процессе, то ему никогда не удавалось избежать тех категорий, которые лежат в основании объективного значения идеи.

"Этот мир подчиняется духовному законодательству самосознания раньше и прежде, чем мы отвлеченным мышлением пытаемся указать в нем присутствие духовных или идеальных связей, - так что изъяснение мира явлений из идей есть простое предположение той работы, которую совершает дух непрерывно в течение своего временного развития. Во всяком случае, идея есть факт общечеловеческого сознания" (39,14).

Признание идеи есть дело факта, дело анализа явлений, а не предположение так называемой априорной мысли, про-

дает свою характеристику "Идеи" Юркевич; без признания идеи мы получили бы такой образ мира, к которому нелегко приручить живое и деятельное сознание человека; без признания идеи нелегко перевести в мысль бытие, чуждое мысли, найти смысл в произведении, не имеющем смысла, понять явление, которое сложилось несообразно с понятием; в идее мы видим вещи по их неподдельной натуре; идея есть подлинное место вещей и подлинная вещь; "истинная сущность предмета познается не в воззрении на предмет, а в идее предмета, а отсюда следует, что и сама она идеальна" (39,25).

В этой платонической характеристике "Идеи" Юркевич иногда почти полностью отождествляет себя с Платоном, а иногда проводит линии отстранения аналитического и историко-философского порядка, напоминая, что он все же православный мыслитель и профессор Киевской духовной академии. Идея есть начало и конец, основа и цель всех явлений в мире, но полнота ее еще не исчерпывает все эти явления; в идее заключено бесконечно больше совершенств, чем в целости этого мира; идея обладает самобытностью, составляет самостоятельный мир, наполненный бесконечным содержанием. Идея есть не только единство, но и целость. Согласно платоническому видению мира, последний находится как бы между двумя полюсами: чистым небытием материи и безусловным бытием идеи, именно идея есть сущность и первообраз космоса.

Юркевич был очарован платонизмом, но как историк философии был достаточно строг в его осмыслении, замечая, например, "что Платон занимается больше изъяснением идеи, чем изъяснением явлений из идеи, или что у Платона истолкование феноменальной действительности из идеи недостаточно. Так, когда требовалось указать в вещи ту выдающуюся сторону, которая служит откровением идеи, то Платон видел присутствие идеи только в общих родовых свойствах вещи. В этом отношении он определяет идею как сущность, общую одноименному множеству или множеству однородному" (39,28). Украинский мыслитель постоянно подчеркивал метафизический и онтологический характер платонизма. Внутри платоновской идеи, полагал он, лежит дина-

мическая разность возможного и действительного, которые именно и обуславливают движение, развитие и жизнь мира. Идея в своем предельном значении является мыслимой, метафизической сущностью вещи; идея полагает себя в бытии по мере своей целесообразности; идея есть действительное бытие, по мере того, как она входит в конечную цель мира. Мир подчинен одновременно двум всеобщим началам: логическому мышлению и метафизической целесообразности. И здесь Юркевич делает “платонический вывод”, который уже задолго до него стал любимейшей темой русского философствования: “Законы природы имеют в законах нравственных свой конец и завершение”.

Наиболее известная работа Юркевича “Из науки о человеческом духе” так же, как и “Идея”, содержала в себе множество пассажей об общей метафизической мысли о мире, о реализме и платонизме. По общности тематики и сюжетов к этой работе примыкала также большая статья “Материализм и задачи философии”, опубликованная в популярном периодическом издании “Журнал Министерства Народного Просвещения”. По мнению Юркевича, в его время пришла в упадок не только вера в бытие Бога, но и сама философия. Причин такого упадка много, но одной из них было широкое распространение философских идей наивного реализма, который обратился к опытному знанию, к частным задачам, а не к великим загадкам бытия. Философствующие психологи наивно-реалистического и материалистического толка не могли и не хотели смириться с мыслью о том, что каждый новый факт в области положительного знания природы или истории имеет сторону, неуюснимую по началам и приемам физики, и этот остаток бытия всегда будет ожидать своего метафизического истолкования. Термин “метафизика” Юркевич употреблял в аристотелевском смысле “первой философии” - науки, сделавшей предмет своего исследования существующее как таковое, но с поправкой на неоплатоническую и христианскую трансформацию этого термина.

Неоплатонизм и христианская схоластика внесли в аристотелевское понимание метафизики объективный дуализм между посюсторонним и потусторонним, между чисто чувственным существованием и так называемым истинным быти-

см. Таким образом, основной задачей спекулятивной метафизики было познание "истинного бытия", в том числе и бытия Бога на основе "чистого разума". Юркевич обосновывал и защищал основной метафизический принцип - "объяснение из сущности", так как материализм, по его мнению, решая онтологические и гносеологические проблемы своими средствами, объяснял явления только из причин и отказывался самым решительным образом от метафизических объяснений. Основная мысль Юркевича в статье "Материализм и задачи философии" сводилась к положению о том, что материализм ставит себе "метафизическую" задачу и стремится ее научно разрешить, но это невозможно, так как обоснование философии частными науками является невыполнимой задачей.

Статью "Из науки о человеческом духе", направленную против работы Н.Г.Чернышевского "Антропологический принцип в философии", Юркевич начинал с вопроса: возможна ли наука о человеческом духе и существует ли она? Трудность определения предмета науки о человеческом духе связана, по его мнению, с тем, что разъясняющие начала и метод брались из других наук, а не из непосредственного наблюдения над самим духом. Исторически эта наука развивалась в рамках метафизического идеализма, особенно в учениях о внутреннем опыте. Интерес метафизического идеализма к общей проблеме, "как из общей идеи мира выходит разумность", привел к забвению вопросов о законах и формах душевной жизни человека. Украинский мыслитель не отрицал психологию как частную науку, но считал, что она не может полностью освободиться от метафизических предпосылок о сущности мира. По его мнению, в первую очередь ей необходимо изучать феноменальные законы и формы душевной жизни. Здесь имеет смысл обратить внимание на определенную филофскую амфиболию критических доводов Юркевича, так как, ориентируя психологию на чисто идеалистические "законы и формы душевной жизни", он пытался опереться также и на разработанные "философским реализмом" формы опытного знания.

Статья "Антропологический принцип в философии" относится к философии реализма, которая сделала в наше вре-

мя так много открытий в области душевной жизни, одарила нас таким точным анализом явлений человеческого духа, что, по всей вероятности, это направление рано или поздно должно представить большие интересы для самого богословия. Мы уверены, что науки богословские особенно нуждаются в точных психологических наблюдениях и верных теориях душевной жизни. В этом отношении, повторяем, современный философский реализм есть явление, мимо которого богослов не может проходить равнодушно: он должен изучать эту философию опыта, если хочет успеха своему собственному делу" (39,109).

Для профессора духовной академии признание того, что содержащиеся в философии реализма наблюдения и открытия могут представлять интерес для богословия, было в определенной мере большой вольностью. Однако, не отрицая полностью философию реализма и экспериментальную психологию, Юркевич настаивал на том, что философия и психология могут получать материал для своих обобщений и выводов исключительно из внешнего опыта. Для платоника и теиста был неприемлем принцип материалистического монизма в объяснении природы и сущности человеческого организма. Критикуя принцип материалистического монизма в миросозерцании Н.Г.Чернышевского, украинский мыслитель не принимал также и метафизического дуализма, т.е. дуалистического представления о духе и материи (в целом мире и человеке) как самостоятельных началах.

"Когда греческий философ Платон учил, что тело человека создано из вечной материи, которая не имеет ничего общего с духом, то он таким образом допускал дуализм метафизический как в составе мира вообще, так и в составе человека. Христианское миросозерцание отстранило этот метафизический дуализм: материю признает оно произведением духа; следовательно она должна носить на себе следы духовного начала, из которого произошла она. В явлениях материальных вы видите форму, законосообразность, присутствие цели и идеи" (39,114).

От метафизического дуализма следует отличать, писал Юркевич, дуализм гносеологический, который разграничивает материю и сознание, естествознание и философию, фи-

эпистемологию и психологию. Материалистическая философия, философия реализма, по мнению нашего мыслителя, устраняя метафизический дуализм, не замечает дуализма гносеологического, дуализма знания. Сформулировав этот свой основной аргумент против материализма, он неоднократно подчеркивал мысль о том, что Чернышевский был совершенно не силен в различении вопросов метафизических от вопросов, решение которых принадлежит точным (или опытным) наукам.

Построенная на принципе гносеологического дуализма теория познания Юркевича противостояла теории материалистического монизма в сфере познания, основанного на соединении двух уровней: чувственного и рационального, посредством методов индукции и дедукции. Для гносеологических построений Юркевича была характерна, как мы уже выше вскользь отмечали, трехступенчатая структура человеческого знания: уровень постижения явлений чувственного мира; уровень умопостигаемого мира идей; и, наконец, уровень безусловного, интуитивного постижения обоих миров. Переход от одной ступени к другой почти невозможен, но если он происходит, то каждая ступень так связывается с другой, что различие между ними стирается. В конечном счете Юркевич пришел к интуитивно-иррационалистической гносеологической концепции, отвечающей на запросы его собственного платонического и теистического мирозерцания.

Выше была отмечена мысль о том, что понимание Юркевичем проблемы реализма прошло также через фильтр трансцендентального реализма кантианского толка. Большое значение сыграл Кант и в уяснении Юркевичем проблем метафизики, что нашло определенное выражение в работе "Материализм и задачи философии".

"Когда в настоящее время так охотно ссылаются на Канта, когда так часто повторяют, что Кант доказал невозможность метафизики, то нам кажется, что этим еще вовсе не обозначается дух и направление кантова скептицизма. Справедливо, что ни один критик не потряс так сильно оснований метафизики, как Кант; однако же, с его точки зрения, были возможны *метафизические основания естествознания и основания для метафизики нравов*. Один этот факт должен

бы убедить нас, что Кант понимал под метафизикой несколько направлений, из которых одни научно основательны, другие неосновательны. Невозможна метафизика сверхчувственного, то есть лежащего за пределами всякого возможного опыта; возможна метафизика природы и метафизика нравов. Эти два факта, природа и человечество, которые составляют всю данную, подлежащую для мышления действительность, могут быть сведены к окончательным, абстрактным формулам, которые будут представлять изыскующие начала для всего мира явлений, как из ньютоновой теории изыскуются перемены и передвижения Солнечной системы" (39,203-204).

В философии чистого идеализма, подчеркивал Юркевич, довольно часто возникает потребность соотнести идею абсолютного с самыми общими формулами феноменальной действительности, и сам Кант дал блестящий пример такого применения этой идеи. Как правило, эта идея носила значение регулятивное, значение логического принципа, как достояние человеческого разума; идея эта как нечто законное и действительное, "образуется строго логически, по необходимым законам мышления, хотя именно по этой причине она есть только идея" (39,204).

На почве непосредственного видения, слышания и осязания человек имеет дело одновременно и с вещью в себе, и с подлинным бытием, из которого изыскуются и все другие явления природы и духа. Отсутствие верного критического начала порождает развитие материалистических воззрений, которые непоследовательно и нелогично превращаются из реализма. В процессе познания различие между эмпирическими представлениями и идеями имеет большое значение для познающего субъекта. Но оно почти ничего не значит в отношении к познаваемому объекту. Но на пути от чувственного воззрения на эмпирический предмет до абсолютной идеи можно и не встретиться с бытием. Метафизика, писал Юркевич, также не дает нам знания об объективном бытии. Метафизика наряду с чувственным воззрением и опытом является "в истине" логическим процессом, относительно которого нет возможности сказать, чтобы они повторяли в себе, воспроизводили для нашего сознания природу и отношения действительных предметов.

Очень характерным является тот факт, что метафизические проблемы Юркевич рассматривает в связи с критикой материализма, с одной стороны, и определением общих задач философии, с другой. "Новейшая философия, как увидим, ищет этот пункт реальности в области воззрения, чтобы с него, как с прочного основания, идти далее в изъяснении явлений природы и духа: материализм не признает даже тех затруднений, какие сопряжены с этой проблемой подлинного метафизического бытия; для него физическая материя есть непосредственно бытие метафизическое. Поэтому при видимой простоте и ясности он обладает существованием смешанным; он движется между физикой и метафизикой, становится то на ту, то на другую почву или из последней получает проблемы, а из первой — методу их изъяснения; однако же, воображая, что эти проблемы могут быть и поставлены с точки зрения естествознания, он стремится в истине создать *абсолютную физику*, при которой не имела бы уже места метафизика" (39, 206). Бессилие мышления в построении метафизики, писал Юркевич, происходит прямо и непосредственно из его специфической силы, а именно: созидать и строить, исходя из собственных ресурсов, всю чувственную область физики с ее порядком и закономерностями, которые охватываются общим понятием механизма. Здесь же Юркевич дает определение предмета философии, который заключен в бесконечном, так как именно только оно может полагать само себя в себе: чтобы получить даже простое понятие о конечном, необходимо выступить из области философии и вступить в область условного физического знания, которое, в свою очередь, не имеет ничего общего с истиной философии.

Образцы истинной философии реализма заключены были, по мнению Юркевича, в сочинениях Герберта, Бенеке, Шопенгауэра и Лотце, но при самом общем обращении к проблемам реализма, метафизики и платонизма украинский мыслитель в наибольшей мере обращался к самому Платону и Канту. Одним из любимейших его философских положений была мысль о том, что окружающий нас мир мы обсуждаем и разъясняем по началам мира мыслимого, как по его образцам. Мир существует только в разуме и для разума — и в этом сущность платонического учения об идеях, которое на

протяжении тысячелетий господствовало в философии. Только лишь с приходом Канта, с его учением об опыте открылась вторая философская эпоха в европейской культуре.

Мы не станем в нашей работе цитировать знаменитые тезисы Юркевича о Платоне и Канте, которые, как правило, приводятся почти во всех исследованиях, посвященных философскому творчеству Юркевича. Заметим лишь, что рассматриваемые нами проблемы реализма, метафизики и платонизма нашли в этих тезисах если не свое дальнейшее развитие, то более завершенное оформление и завершение. Столь внимательное рассмотрение комплекса этих проблем и выводы из них совершенно не означают того, что они до настоящего времени были лишены исследовательского внимания. В качестве примера приведем один из обобщающих выводов из предисловия к первому украинскому изданию сочинений П.Д.Юркевича, сделанному А.Г.Тихолазом: "Критика новітніх форм матеріалізму та трансцендентального ідеалізму Канта примушує Юркевича здійснити рішучий вибір на користь ідеалізму платонічного типу. Але, приймаючи істинність платонізму, він чудово усвідомлює його обмеженість: його не задовольняє пафос абстрактної всезагальності, який панує у платонівській філософії й не дозволяє задовольнити й пояснити ані таємницю тварного буття, ані буття абсолютного. З цього випливає його власна філософська програма, яка полягає у "переробці платонізму в дусі особистісного (теїстичного) розуміння абсолюту". Це дає йому змогу побудувати гармонійну й динамічну метафізичну концепцію, яка поєднує вчення про ідеї як загальні першообрази, що втілюють у собі можливе буття, з ідеєю творчої активності абсолюту; поєднує платонівське вчення про благо з християнською ідеєю творця" (24, XIII).

Мы почти полностью согласны с выводами украинского мыслителя, и скромной сверхзадачей нашего исследования является лишь более полное изложение и более развернутая характеристика проблем реализма, метафизики и платонизма в философском творчестве П.Д.Юркевича.

Таким образом, при тщательном изучении небольшого по объему, но очень философски емкого наследия Юркевича перед нами вырисовывается образ украинского мыслителя,

представителя киевской школы философского теизма. Став профессором философии Московского университета, он активно включился в процесс развития русской и мировой философской мысли. Последнему предшествовал высокий стиль его философствования, не заикнувшегося на частностях регионального самоопределения, которое в стремлении к своей самодостаточности ведет, как правило, к тематическому и содержательному измельчанию. Юркевич - представитель самого широкого и содержательного во всем мире философствования - платонизма. При этом платонизм Юркевича, с одной стороны, основывался на глубочайшей византийско-православной традиции русского средневекового философствования и русского платонизма XVIII в., а с другой стороны, через его знаменитого ученика В.Соловьева является основанием русского платонизма конца XIX- начала XX вв. Более того, В.В.Зеньковский в определенном смысле неправ, озаглавив одну из своих статей в бердяевском журнале "Путь" как "Преодоление платонизма и проблема софийности мира" (10).

Именно философское творчество Юркевича самым активным образом обеспечивает непреодолимость платонизма в наше время, очаровывая склонные к философствованию умы высочайшим образцом и стилем мыслей и идей "божественного Платона".

Критикуя современную философию реализма с точки зрения своего понимания, Юркевич также оставался все тем же платоником, имея за своими плечами платонический реализм западноевропейской схоластики. Проблема общности и отличий реализма Юркевича и реализма философского психологизма XIX в. еще очень долго будет для историков философии интереснейшей областью философских дизъюнкций и смысловых уточнений.

И наконец, что действительно делает Юркевича философом *par excellence*, или, говоря на русском языке, философом от Бога, так это его метафизичность с ее интересом к сущему как таковому и с ее сопряженностью с платонизмом, с ее органичной "замешенностью" на платонизме. Именно глубочайший интерес Юркевича к метафизической проблематике обусловил возникновение метафизики всеединства В.Соловь-

ева и ~~давшего~~ его разнообразия русских "метафизик всеединств" С.Н.Булгакова, П.А.Флоренского, С.Л.Франка Л.П.Карсавина.

В варианте философии всеединства Флоренского, получившего название "конкретной метафизики", мы видим непосредственное обращение к тексту П.Д.Юркевича. Отрывок из работы украинского мыслителя "Сердце и его значение в духовной жизни человека; по учению Слова Божия" просто в качестве главы вошел в состав "Столпа утверждения Истины". Философская система Л.П.Карсавина в своих онтологической и гносеологической частях, являясь также одной из русских философий всеединств, была построена на тщательной проработке метафизической системы Готфрида Лейбница. И, наконец, С.Л.Франк свои самые общие философские представления изложил в работе "Непостижимое" (онтологическое введение в философию религии). В предисловии он прямо говорит о том, что является приверженцем вечной философии - платонизма и продолжает линию Платона, Дионисия Ареопагита, Августина и В.Соловьева. И все же выше всех он поставил Николая Кузанского, объединившего духовные достижения античности и средневековья. "Для меня он в некотором смысле есть мой единственный учитель философии. И моя книга хочет быть, в сущности, не более чем систематическим развитием - на новых путях - в новых формах мысли. В новых формулировках старых и вечных проблем - основного начала его мировоззрения, его умопостигаемого выражения вселенской христианской истины" (29,184).

Старые и вечные проблемы, упомянутые С.Л.Франком, и есть та метафизическая проблематика, которую П.Д.Юркевич привнес в структуру русского философствования, привнеся ей историко-философский вкус и продемонстрировав навыки ее терминологической проработки.